Ничего больше

Автор:
Анна Тодд

Ничего больше

Анна Тодд

Модное чтениеРоманы о Лэндоне #1

Мы возвращаемся к тем временам, когда Хардин и Тесса были в ссоре. Но даже на расстоянии сила их страсти столь велика, что в их отношения вовлечены все, кто рядом. Лэндон пытается выжить между двух огней: лучшей подругой и сводным братом. А еще, как назло, именно в тот момент, когда он вновь влюбляется, в его жизни появляется бывшая девушка, и она весьма настойчива… Читайте – первая книга из серии о Лэндоне!

Анна Тодд

Ничего больше

© ООО Издательство «Наше слово», перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Ничего больше

Тем из нас, кто в первую очередь думает о других, а не о себе, даже если не может помочь ничем, кроме сочувствия.

Плей-лист Лэндона:

«Come Up Short» by Kevin Garrett «Let It Go» by James Bay

«Closer» by Kings of Leon

«Pushing Away» by Kevin Garrett

«As You Are» by The Weeknd

«Edge of Desire» by John Mayer

«In the Light» by The Lumineers

«Colors» by Halsey

«Love Me or Leave Me» by Little Mix «Gasoline» by Halsey

«All You Never Say» by Birdy

«Addicted» by Kelly Clarkson

«Acquainted» by The Weeknd

«Fool for You» by Zayn

«Assassin» by John Mayer

«Without» by Years & Years

«Fool’s Gold» by One Direction

«Love in the Dark» by Adele

«Hurricane» by Halsey

«Control» by Kevin Garrett

«It’s You» by Zayn

«A Change of Heart» by The 1975

«I Know Places» by Taylor Swift

Глава первая

Моя жизнь довольно проста. Без особых заморочек.

В известном смысле я вполне счастливый человек.

Каждое утро, просыпаясь, я думаю об одном и том же:

Здесь не так многолюдно, как я думал.

Надеюсь, Тесса сегодня не работает, и мы сходим поразвлечься.

Скучаю по маме.

Да, я учусь уже на втором курсе Нью-Йоркского университета, но мама – мой единственный лучший друг.

Я очень скучаю по дому. Хорошо, что рядом Тесса; здесь, вдали от семьи, она – единственный близкий мне человек.

Я знаю, что обычно студенты, разъезжаясь по колледжам, чувствуют себя на седьмом небе от обретенной наконец свободы. Но это не про меня. Оказалось, я люблю свой город. Несмотря на это, в выпускной класс я уехал в Вашингтон, а

после школы поступил в колледж, ставший мне вторым домом. Здесь я обрел новую семью и лучшего друга. Но мне очень не хватает давней подруги Дакоты. Когда ее приняли в одну из лучших балетных школ страны, я был готов перебраться с ней в Нью-Йорк и подать документы в местный университет. Но планам не суждено было сбыться. Я собирался начать вместе с ней новую жизнь и даже не представлял себе, что Дакота хочет ехать в колледж одна.

Мне было больно и обидно. Даже теперь, спустя год, испытываю разочарование и досаду, но я желаю ей счастья, пусть и без меня.

В сентябре в Нью-Йорке прохладно, но дожди идут реже, чем в Вашингтоне. Уже кое-что.

По дороге на работу я в сотый раз проверяю телефон. Мама скоро должна родить мне сестренку, и, когда придет время, я тут же полечу домой. Мама с Кеном уже выбрали для малышки имя – Эбигайл; жду не дождусь, когда ее увижу. Мне еще не приходилось нянчить младенцев, но маленькую Эбби я уже люблю больше всех на свете. А пока мама присылает только фотографии своих кулинарных шедевров.

Конечно, не конец света, но все же я так скучаю по маминым обедам!

Лавируя в толпе по пути на работу, я остановился на многолюдном перекрестке среди туристов с тяжелыми фотокамерами на шее и похихикал про себя над подростком, который делал селфи огромным айпадом.

Никогда не мог понять этого увлечения.

Когда светофор замигал красным, я увеличил громкость в плеере. Я часто не снимаю наушники дни напролет. Неожиданно город оказался слишком шумным, и я решил, что нелишне приглушить уличный гул или, по крайней мере, украсить его звуками, которые мне нравятся.

Сегодня это песни Хозиера[1 - Эндрю Хозиер-Бирн (Hozier) – ирландский музыкант, автор-исполнитель.].

Я слушаю музыку даже во время работы, правда, только одним ухом, чтобы одновременно общаться с клиентами, заказывающими кофе. Сегодня на входе в магазин я отвлекся на двух парней в пиратских костюмах, орущих друг на друга, и налетел на Эйдена, не самого симпатичного своего коллегу.

Он гораздо выше меня, своими почти белыми волосами напоминает Драко Малфоя, поэтому вызывает у меня безотчетный страх. К тому же он иногда бывает довольно груб. Со мной Эйден ведет себя прилично, но я видел, как он смотрел на посетительниц, заходивших в «Мельницу». У него такой вид, будто он работает в клубе, а не в кофейне.

Его снисходительно-кокетливые улыбочки и «значительный» взгляд смущают девушек. Мне это претит.

На самом деле Эйден не такой уж красавчик. Возможно, будь он более приятным человеком, я бы изменил свое мнение.

– Осторожнее, – пробормотал Эйден, похлопывая меня по плечу, будто мы играем в одной футбольной команде.

Меня это просто взбесило…

Отмахнувшись, я отправился за своим желтым передником и проверил телефон. Отметил время прихода и пошел к Поузи. Эту девушку я за две недели должен обучить всему, что умею. Она симпатичная, тихая и старательная. Мне очень нравится, что она всегда берет бесплатное печенье, которое мы каждый день предлагаем, чтобы скрасить рабочую смену. Большинство новичков отказывается, а она съедала по одному каждый день всю неделю и перепробовала весь ассортимент: шоколадное, шоколадно-ореховое, сахарное и какое-то странное зеленое, думаю, безглютеновое, для сторонников естественного питания.

– Привет, – улыбнулся я.

Она стояла, прислонившись спиной к автомату с кубиками льда, и читала надпись на обратной стороне пакета с молотым кофе. Свои рыжие кудри Поузи заправила за уши. Она подняла на меня взгляд, приветственно улыбнулась и снова вернулась к изучению упаковки.

– Нелепо, что за маленькую порцию кофе берут пятнадцать долларов, – с усмешкой заметила она и бросила мне пакет.

Я неловко его поймал и крепко сжал в руках.

– Мы, – поправил я со смехом и вернул пакет на место. – Мы берем.

– Я не так давно здесь работаю, чтобы говорить «мы», – дразнясь, возразила она.

Потом стянула резинку с запястья, аккуратно собрала густые вьющиеся волосы высоко на затылке и кивком показала, что готова приступить к работе.

Поузи прошла за мной в зал и встала за кассу. На этой неделе она осваивает прием заказов покупателей, а на следующей, судя по всему, будет готовить напитки. Мне больше нравится касса, потому что я предпочитаю общаться с людьми, а не обжигать пальцы о кофемашину, что случается каждую смену.

Колокольчик на двери зазвенел, когда я расставлял на прилавке все по местам. Взглянул на Поузи, убедился, что все в порядке и мы готовы встретить первых утренних кофеманов. Довольно шумно вошли две девушки. Голос одной показался мне знакомым, и я повернулся к ним. Это была Дакота в коротком спортивном топе, просторных шортах и ярких кроссовках. Похоже, она явилась прямо с утренней пробежки. Если бы она собиралась в танцевальный зал, она надела бы балетное трико и узкие шорты. И выглядела бы так же хорошо. Она всегда выглядит отлично.

Дакота не заходила в нашу кофейню несколько недель, и ее визит меня удивил. Дрожащими пальцами я принялся нервно водить по экрану компьютера без всякой цели. Подруга Дакоты Мэгги увидела меня первой. Она дотронулась до плеча спутницы, и моя бывшая повернулась с радостной улыбкой на лице. Она слегка вспотела, ее черные локоны выбились из пучка.

– Я надеялась, что ты сегодня работаешь, – сказала она и помахала рукой мне и Поузи.

Она надеялась? И как это понимать? Конечно, мы решили остаться друзьями, но я не думал, что это больше, чем просто вежливость.

Мэгги тоже помахала рукой:

– Привет, Лэндон.

В ответ я улыбнулся и спросил, что им приготовить.

– Кофе со льдом и двойными сливками, – хором ответили они.

Хотя девушки были одеты почти одинаково, Дакота, с прекрасной карамельной кожей и яркими карими глазами, выглядела намного привлекательнее Мэгги.

Привычным движением я взял две пластиковые чашки, зачерпнул лед из специальной емкости и налил из кувшина заранее приготовленный кофе. Я чувствовал на себе пристальный взгляд Дакоты и испытывал некоторую неловкость. Поузи тоже не сводила с меня глаз, и я вспомнил, что должен все время объяснять ей, какого черта я делаю.

– Ты просто наливаешь напиток поверх льда. Вечерняя смена готовит кофе заранее, чтобы он остыл, – сказал я Поузи.

Когда я делал объяснения в присутствии Дакоты, то чувствовал себя довольно глупо. Мы с ней по-прежнему общаемся, хотя не гуляем и не болтаем, как раньше. Я смирился с тем, что наши трехлетние отношения закончены. В Нью-Йорке у нее появились новые друзья и знакомые, и я не хочу мешать. Я знаю Дакоту много лет и всегда буду о ней заботиться. До нее я уже встречался с одной девушкой, но это было несерьезно.

Я уточнял, взбить ли сливки для кофе, но мой вопрос утонул в шумном приветствии Эйдена:

– Дакота!

Я просто обалдел: Эйден потянулся через прилавок и поднял руку девушки над головой. Дакота с радостной улыбкой покружилась перед ним.

Бросив на меня быстрый взгляд, она немного отступила от стойки и сухо заметила:

– Я не знала, что ты здесь работаешь.

Чтобы отвлечься от их беседы, я перевел глаза на Поузи, а затем сделал вид, что читаю расписание на стене. Мне действительно нет никакого дела до того, с кем Дакота теперь дружит.

– Кажется, вчера вечером я это говорил? – возразил Эйден.

Я закашлялся, чтобы скрыть невольный возглас.

К счастью, никто, кажется, этого не заметил, за исключением Поузи, которая изо всех сил пыталась спрятать улыбку.

Я старался не смотреть на Дакоту, хотя чувствовал ее смущение. В ответ на замечание Эйдена она рассмеялась так же, как когда-то, когда разворачивала рождественский подарок от моей бабушки. Милые звуки! Какое счастье – слышать ее хихиканье над дурацкой поющей рыбой, закрепленной на пластиковой подставке! Дакота снова засмеялась, и я понял, что ей действительно неловко. Пытаясь сгладить неловкость, я с улыбкой вручил ей чашки и призвал заходить к нам почаще.

Не дожидаясь ответа, я вышел в подсобку и увеличил громкость в наушниках.

Пару минут я ждал звонка дверного колокольчика, провожающего Дакоту и Мэгги, а потом понял, что, скорее всего, за криками болельщиков и ударами клюшек (я включил в плеере запись вчерашнего хоккейного матча) ничего не услышу. Вернувшись в зал, я увидел, как Поузи демонстративно корчит изумленную рожицу, глядя, как Эйден демонстрирует мастерство во взбивании горячего молока. В облаках пара его светлые волосы показались мне еще более нелепыми.

– Он сказал, что учится вместе с ними в балетной академии, – шепнула Поузи, когда я подошел ближе.

Я замер, глядя на Эйдена, не обращавшего на нас внимания и, судя по выражению лица, погрузившегося в собственный, без сомнения, чудесный мир.

– Ты сама его спросила? – удивился я, немного беспокоясь, что еще он мог сказать о Дакоте.

Поузи кивнула. Она подошла к раковине и открыла кран, чтобы вымыть железную чашку. Я подтянулся туда же.

– Я заметила, как ты реагировал, когда он держал ее за руку, поэтому решила поинтересоваться, что там между ними.

Девушка пожала плечами, и копна ее кудрявых волос слегка дрогнула. Щеки и переносица Поузи усыпаны веснушками, не такими яркими, как у других рыжих, которых мне доводилось встречать раньше. У Поузи большой рот с пухлыми, как у ребенка, губами. Ростом она почти с меня. Я заметил это на третий день обучения, в момент короткой вспышки интереса к ней.

– Я некоторое время с ней встречался, – признался я новой подруге, подавая полотенце, чтобы она вытерла чашку.

– Ну, я не думаю, что у них роман. Это безумие – выбрать кого-то из Слизерина, – засмеялась Поузи.

Мои щеки вспыхнули, и я тоже расхохотался.

– Ты тоже заметила? – удивился я и предложил ей мятное фисташковое печенье.

Поузи с удовольствием взяла одно и съела половину раньше, чем я успел закрыть коробку.

Глава вторая

Смена закончилась. Я отметил время ухода с работы и взял с прилавка две чашки навынос, чтобы в честь завершения трудового дня приготовить, как обычно, два макиато: один для себя, второй для Тессы. Но я делаю не простой макиато. Я добавляю ореховый и банановый сиропы в пропорции три к одному. Может показаться, что это чересчур, но не поверите, до чего вкусный получается кофе! Я изобрел это случайно, перепутав бутылки с ванильным и банановым сиропами. С тех пор такая смесь стала у нас с Тессой любимой. А теперь и у Поузи.

В деле обеспечения питанием наших юных, изнуренных учебой тел я отвечаю за напитки, а Тесса почти всегда приносит на ужин еду из ресторана «Лукаут», в котором она работает. Иногда пища еще теплая, но и остывшую ее можно есть даже и через несколько часов. Таким образом, несмотря на скудный студенческий бюджет, мы питаемся деликатесами и пьем отличный кофе. В общем, прекрасно устроились.

Сегодня у Тессы вечерняя смена, поэтому я не спешил закрывать магазин. Не то чтобы мне неуютно дома одному, просто торопиться было незачем. Кроме того, я хотел отвлечься от тяжелых мыслей о Дакоте и этом гаде Эйдене. Иногда приятно отдохнуть в тишине пустой квартиры, но я никогда не жил один, поэтому гудение холодильника и лязг труб парового отопления среди безмолвия действуют мне на нервы. Так не хватает звуков футбольного матча из кабинета отчима и запаха кленового сиропа от маминой выпечки с кухни!

Я почти дописал работу, заданную на эту неделю. Второй год обучения абсолютно не похож на первый. Я очень рад, что кончились нудные обязательные предметы для первокурсников и теперь можно начать профессиональное обучение. Похоже, я наконец приблизился к карьере учителя младших классов.

В этом месяце я прочитал две книги и пересмотрел все новые фильмы. А Тесса поддерживает в квартире такую чистоту, что мне ничего не приходится делать по хозяйству. В принципе, в свободное время мне делать нечего, потому что у меня почти нет знакомых, кроме Тессы и нескольких сотрудников в «Мельнице». Не думаю, что смог бы общаться с ними вне кофейни, за исключением Поузи. Хотя есть еще один классный парень Тимоти, с которым мы вместе посещаем курс обществоведения. На второй же день занятий он пришел в футболке «Буревестника», и мы разговорились о хоккейной команде из моего города. Со случайными людьми я обычно разговариваю о спорте и фэнтези. Приходится

признать: мне нелегко заводить новые знакомства.

Моя жизнь довольно однообразна. В кампус и обратно в Бруклин езжу на метро, на работу хожу пешком и так же возвращаюсь домой. Привычные дела и маршруты – ничего особенного. Тесса считает, что я в депрессии, поэтому мне необходимо найти новых друзей и больше развлекаться. Я мог бы в ответ заявить, что ей стоит воспользоваться собственным советом, но не секрет, что проще ругать заросший двор соседа, чем стричь собственный газон. Несмотря на то, что и моя мама, и Тесса уверены, что мне недостает общения, я всем доволен. Мне нравится работа и занятия в этом семестре. Я радуюсь жизни в спокойном районе Бруклина и учебе в новом колледже. Конечно, все могло быть лучше, но и так все в полном порядке. Никаких проблем и обязательств. Просто нужно быть хорошим сыном и преданным другом.

Я посмотрел на часы и с содроганием обнаружил, что еще нет и десяти. Из-за женской компании, оживленно обсуждающей разводы и детей, мне не удалось закрыть двери кофейни в обычное время. От столика неслось так много «Ой!» и «О нет!», что я предпочел оставить их в покое, пока они не решат жизненно важные проблемы и не уйдут сами. В четверть десятого магазин опустел. На столе остались салфетки, недопитый холодный кофе и недоеденные пирожные. Беспорядок меня не огорчил, поскольку уборка заняла еще несколько минут. Я потратил кучу времени на закрытие, педантично, как можно медленнее, наполнял металлические салфетницы, емкости для льда и контейнеры для молотого кофе. Подметал с пола отдельно каждый фантик.

Время не на моей стороне – оно вообще редко мне помогает, но сегодня дразнит, как никогда, и я начинаю размышлять о наших отношениях с Дакотой. Каждая проходящая минута – это шестьдесят секунд издевательства: медленно движется маленькая стрелка на часах, но, кажется, совсем не трогается с места, как будто время застыло. Чтобы скоротать время, начал сам с собой детскую игру: задерживал дыхание – каждый раз на тридцать секунд дольше. Через несколько минут мне это наскучило, и я отправился в подсобку пересчитать выручку за день. Тишину в кофейне нарушало только гудение машины для льда. Наконец-то десять часов, мне незачем торчать здесь дольше.

Уходя, последний раз окидываю взглядом магазин. Все в порядке: каждое кофейное зерно на своем месте. Обычно я закрываю «Мельницу» не один, а с Эйденом или Поузи, по графику. Поузи предлагала свою компанию, но я слышал ее разговор и понял, что она не может найти няню для младшей сестры.

Скромная и немногословная, Поузи не любит делиться подробностями своей жизни, но по некоторым деталям я понял, что заботе о сестренке она посвящает много времени.

Заблокировав сейф и включив сигнализацию, я запер дверь. На улице сегодня свежо: легкий холодок тянется с реки и захватывает весь Бруклин. Мне нравится смотреть на воду. Так я почему-то отрешаюсь от городской суеты.

Хотя от Бруклина до Манхэттена рукой подать, они совсем не похожи друг на друга.

Я вытащил ключ из замка и ступил на тротуар. Мимо прошли четверо – двое мужчин и две женщины. Мне с ними по пути. Высокий парень был одет в свитер «Браунс»[2 - «Браунс» (англ. Cleveland Browns) – клуб из Кливленда, штат Огайо, выступающий в Национальной футбольной лиге (американский футбол).]. Интересно, он знает их результаты в этом сезоне? Наверное, нет, иначе вряд ли бы носил на груди эмблему с такой гордостью. Поклонник «Браунс» разговаривал громче всех, к тому же у него оказался неприятный низкий голос. Мне показалось, что он пьян. Я решил уйти от них подальше, перешел на другую сторону улицы и позвонил маме. Сообщил, что у меня все хорошо и ее единственный ребенок пережил еще один день в большом городе. Я поинтересовался, как она себя чувствует, но она, как обычно, не ответила на вопрос и принялась расспрашивать о моих делах.

Мама переживала из-за моего переезда не так сильно, как я опасался. Она надеялась, что в Нью-Йорке я буду счастлив с Дакотой. Во всяком случае, так предполагалось. Переезд должен был влить свежую струю в старые мехи наших потускневших отношений. Я думал, нас разлучило расстояние, но, оказалось, Дакота жаждала свободы. Осознание этого стало для меня неожиданностью. Ведь я никогда не вел себя с ней как собственник: не пытался контролировать или указывать, что делать. Я сам этого не люблю. С того памятного дня, когда по соседству с нами поселилась потрясающая девушка с вьющимися волосами, я знал, что в ней есть что-то особенное, что-то необычное и настоящее. Я тоже никогда не скрывал своего отношения к ней (как бы я мог? Зачем?) и всегда поддерживал ее стремление к независимости. Мне нравился ее острый язык и привычка настаивать на своем. Все пять лет, пока мы были вместе, я верил в Дакоту и старался ей дать все, в чем она нуждалась.

Когда ее мучили страхи из-за переезда из Сагино в Нью-Йорк, я изо всех сил ее успокаивал. Мне самому дважды доводилось менять место жительства: из Сагино я уехал в Вашингтон, где продолжил учебу и окончил школу. Я постоянно напоминал Дакоте, почему для нее важен этот переезд, – говорил о ее любви к балету и ее большом таланте. Не проходило и дня, чтобы я не повторял, какая она замечательная и что ей следует гордиться собой. Несмотря на кровавые мозоли на ногах, она репетировала день и ночь. Таких целеустремленных людей, как Дакота, я в жизни не встречал. Когда мы были подростками, учеба на «отлично» давалась ей легче, чем мне, и она всегда работала. Как-то раз моя мама работала и не могла ее подвезти. Так Дакота проехала до стоянки грузовиков, где подрабатывала кассиром, полтора километра на велосипеде. В шестнадцать лет я получил права, она позволила своему отцу заложить ее велосипед, так как их семья нуждалась в деньгах, и я с удовольствием ее повсюду возил.

И все же мне кажется, что в своей семье Дакота никогда не чувствовала себя так свободно, как ей хотелось. Ее отец не любил, когда она или ее брат Картер уходили из дома. Но щиты, которыми он закрывал окна, не могли удержать детей взаперти. Уехав в Нью-Йорк, Дакота узнала совсем другую жизнь. Не нужно было смотреть, как отец медленно погибает от вспышек гнева и пьянства. Не требовалось пытаться загладить вину за смерть брата. Она осознала, что никогда не жила по-настоящему. Моя жизнь началась, когда я встретил Дакоту, но для нее все было иначе.

Мне было очень больно, когда наши отношения закончились, но я ни в чем ее не винил. И сейчас я против нее ничего не имею. Не стану отрицать, что до сих пор жалею, что совместное будущее, которое мы планировали, никогда не наступит. Я надеялся, что мы вместе снимем квартиру в Нью-Йорке и каждое утро я буду просыпаться рядом с ней и чувствовать сладкий запах ее волос. Мы собирались обойти все парки и посетить самые необычные музеи города. Я возлагал на переезд столько надежд. Я рассчитывал, что начнется новая жизнь, а не закончится прошлая.

К чести Дакоты надо заметить, она осознавала свои чувства и рассталась со мной до того, как я собрался в Нью-Йорк. Она была со мной честна и не пыталась изобразить то, чего нет, пока все не дошло до абсурда. Однако к моменту, когда она разорвала отношения, я уже слишком настроился на перемены, чтобы внезапно отказаться от своих планов. Я заранее оплатил занятия и внес депозит за квартиру. Но я ни о чем не жалею. Оглядываясь назад, я понимаю, что мне и

вправду нужно было переехать. Хотя я не в восторге от этого города – меня он не очаровал, как многих других. Я не собираюсь оставаться здесь после колледжа, но на сейчас меня все устраивает. Вообще, мне хотелось бы поселиться в каком-нибудь тихом месте, где солнечный свет радует глаз и покрывает загаром кожу.

Хорошо, что Тесса со мной поехала. Правда, обстоятельства, к этому приведшие, оказались нерадостными, но мне было приятно помочь ей сбежать от проблем. Первым человеком, с которым я подружился в Вашингтонском центральном университете, была Тесса Янг, и она оставалась для меня единственным другом до самого выпуска, как и я для нее. Первый курс принес ей немало сложностей. Кроме всего прочего, она влюбилась в парня и почти сразу же с ним рассталась. А я оказался в сложном положении – между сводным братом, отношения с которым и так оставляли желать лучшего, и Тессой, которую он же бросил.

Я распахнул перед Тессой двери, как только она попросила, и сделал бы это снова. Мне нравилась идея делить с ней квартиру, было очевидно, что ей это поможет. Мне приятно быть хорошим товарищем. Я всю жизнь был отличным парнем, и эта роль удавалась мне как ни одна другая. И я не люблю быть в центре внимания. В последнее время я осознал, что практически всегда стремился избегать подобных ситуаций.

Меня считают надежным человеком и преданным другом. По-моему, это просто замечательно. Когда в Мичигане все пошло наперекосяк, я хотел пережить печаль в одиночестве. Я не нуждался в сострадании, особенно от Дакоты.

Безусловно, ей было так же больно. И не важно, что я сделал, этого уже не исправить. Я оставил Тессу наедине с ее горем и вынужден был наблюдать со стороны, как трагедия, которую я изо всех сил старался предотвратить, разрывала ее мир на части. Она была моей исцеляющей повязкой, а я был ее спасительной сетью. Я удержал ее, когда она падала, и мы всегда будем связаны друг с другом – дружбой или чем-то большим. Нас навсегда объединила боль, которую мы вместе пережили.

Я не часто думаю об этом, стараюсь стереть воспоминания. Клубок проблем остался в прошлом, запечатан суперклеем и похоронен под трехметровым слоем бетона.

Глава третья

На пороге я наткнулся на пакет среднего размера, на котором черным маркером было накорябано «Тесса». По почерку я тут же догадался, от кого он, и, аккуратно отодвинув подарок ногой в сторону, вставил ключ в дверной замок. Свет в квартире не горит, значит, Тесса еще не вернулась с работы.

Я понял, что устал, и решил сразу лечь спать. По вторникам и четвергам занятия начинаются позже, чем обычно, поэтому я люблю эти дни и жду их с нетерпением, чтобы поваляться в постели перед телевизором. В общем, примитивное и унылое развлечение, но для меня это настоящее наслаждение. Я скинул ботинки и поставил их на место, несколько раз громко позвал Тессу, убедиться, что ее действительно нет. Не получив ответа, я начал раздеваться в гостиной, просто потому, что у меня появилась такая возможность. Еще одно невинное удовольствие. Расстегнул и спустил джинсы, стряхнул их с ног и пинком отправил в полет. Они со шлепком упали на пол – там я их и оставил. Во мне проснулся бунтарь, хотя и сильно уставший.

Поразмыслив, я все-таки собрал с пола брюки, рубашку, носки и трусы, отнес вещи в свою комнату и бросил на пол до следующей стирки. Нужно освежиться.

Рычаг душа в нашей единственной ванной постоянно заедает, поэтому приходится слушать журчание в трубах не меньше минуты, прежде чем польется вода. Все попытки починить его были тщетны. Даже Тесса несколько раз собственноручно хотела его отремонтировать, но оказалось, что сантехника не по ее части. Совсем. Я рассмеялся, вспомнив ее, промокшую и злую, когда вода фонтаном ударила из трубы. Металлическая ручка пролетела через всю ванную и проделала в гипсокартонной стене небольшую дырку. Несколько недель спустя рычаг снова заклинило, когда Тесса хотела принять душ. В итоге она из всех сил дернула и сорвала хлипкую ручку со стены. Ледяная вода брызнула ей в лицо. Она закричала как банши и в ужасе выскочила из ванной.

Слушая бег воды по трубопроводу, я быстро облегчился и начал мысленно перебирать события минувшего дня: незаметно промелькнувшие занятия и внезапное появление в «Мельнице» Дакоты и Мэгги. Я до сих пор не пришел в себя от неожиданной встречи с Дакотой; меня особенно поразило ее знакомство с Эйденом. Последний раз мы разговаривали несколько недель назад; тогда,

глядя на ее откровенный наряд, мне было сложно сосредоточиться. Жаль, что у меня не было времени на подготовку. Но, похоже, все прошло нормально. Кажется, я не заикался, не сказал ничего несуразного и не пролил кофе. Любопытно, Дакота чувствовала неловкость из-за вынужденного общения со мной или она уже не замечает возникающего между нами напряжения?

Мы практически не разговаривали, поэтому я не имею ни малейшего представления о ее чувствах и о том, что между нами происходит. Дакота никогда не была склонна раскрывать свои переживания, но я знал, что она из тех людей, кто не забывает обиду всю жизнь. У нее не было никаких причин испытывать ко мне негативные эмоции, но я не могу не думать об этом. Мне до сих пор кажется странным, что от ежедневных бесед мы пришли к почти полному отсутствию общения, практически к тишине. После разрыва я пытался наладить с ней дружеские отношения, но Дакота даже не думала мне в этом помогать.

Иногда я так по ней скучаю!

Черт, я действительно скучаю.

Даже когда я переехал из Мичигана в Вашингтон, мы продолжали ежедневно болтать по телефону, кроме того, несмотря на занятость в колледже, я летал на свидание с ней при первой же возможности. Перебравшись в Нью-Йорк, Дакота начала отдаляться. Я чувствовал, что она изменилась, но надеялся на лучшее. Однако с каждым телефонным разговором становилось все очевиднее, что она ускользает от меня все дальше. Иногда я просто сидел, уставившись на мобильник, и ждал ее звонка в надежде, что ей захочется узнать, как прошел мой день. Хотя бы один вопрос или более долгая беседа, а не краткий пересказ обычных дел на две минуты. Мне хотелось думать, что она просто привыкает к переменам, произошедшим в ее жизни, и все это временно.

Я предполагал, что в другом городе Дакота заведет новых друзей и получит много незабываемых впечатлений, и совершенно не собирался ей как-то мешать. Мне просто хотелось оставаться частью ее жизни, как раньше. Я так же, как она, мечтал, как она поступит в балетную академию, ведь это было для нее очень важно, не собирался отвлекать и старался поддерживать всеми доступными средствами, даже когда она начала забывать обо мне. Я продолжал играть роль отличного парня, а ее жизнь становилась все более насыщенной.

Мне с детства удавался образ хорошего друга, и мне это нравилось. Я всегда такой терпеливый и понимающий. Как и в тот вечер, когда Дакота позвонила и привела массу разных доводов в объяснение, почему продолжение наших отношений невозможно, а я лишь кивал и повторял, что все нормально и я ее понимаю. На самом деле я ничего не понимал, и ее аргументы были невразумительны, но я знал, что ее не переубедить. Я так же страстно желал за нее бороться, как не хотел быть для нее обузой. Я боялся, что наши отношения станут для Дакоты еще одним полем битвы – она всю жизнь с чем-то боролась, – поэтому я постарался остаться для нее одним из тех немногих, кто приносит в ее жизнь радость, и хочу, чтобы так было всегда.

Я был разочарован и до сих пор чувствую досаду. Мне непонятно, почему она не может проводить со мной какое-то время, если ее страница на фейсбуке полна групповыми фотографиями в разных ресторанах и ночных клубах.

Мне не хватает ее ежедневных отчетов и хвастовства об успехах в академии. Я скучаю по энтузиазму, с которым она ждет предстоящего просмотра. Раньше я рассказывал обо всем ей первой. Но после того, как я познакомился с Тессой и сблизился со своим сводным братом Хардином, все изменилось. Впрочем, я по-прежнему по ней скучаю. У меня нет особого опыта общения с девушками, но то, что сегодняшняя встреча не была свиданием, это точно.

Внезапно я осознал, что, пока я, уставившись на отражение в зеркале, вновь переживал крушение своего единственного романа, ванная наполнилась паром. Наконец, я встал под сильные струи душа, и по коже, обжигая, полилась горячая вода. Я отпрыгнул назад и покрутил кран. Поставил телефон на док-станцию, включив запись хоккейного матча, и вернулся под душ. Раздались низкие громкие голоса дикторов, обсуждающих никому не интересные спортивные интриги. Я попытался понять, о ком говорят, но звук все время прерывался, и я потянулся к телефону, чтобы выключить. Трубка соскользнула с подставки в раковину, и я сразу бросился за ней, пока удачным неловким движением сам я или невидимый домашний эльф не включил воду. Хорошо бы завести домового, желательно Добби или его клона. Но единственный, кому повезло, был Гарри Поттер.

Наша ванная комната слишком мала для двоих, даже если один – эльф. В эту крошечную, практически микроскопическую комнатку втиснулись низкая раковина с разболтанным краном и небольшой унитаз, на котором я едва умещаюсь. Кто бы ни делал проект квартиры, он явно не ориентировался на

парня ростом метр восемьдесят три. Если, конечно, рослый мужчина – не любитель мыться под душем на полусогнутых. По спине текла теплая вода, а я продолжал мучить себя мыслями о Дакоте. Она занимает лучшие апартаменты в моей голове, и я не могу заставить ее съехать. Сегодня она так классно выглядела в спортивном топе и шортах, чертовски сексуально.

Интересно, она заметила, как изменилось мое тело с нашей последней встречи? Бицепсы увеличились, а на прессе появился рельеф, над которым я усердно работаю.

В детстве я был довольно пухленьким. Комплекция часто становилась предметом обсуждения в переполненных школьных коридорах. Меня называли «жирный Лэндон».

– Смотрите, чтобы Лэндон вас не придавил, – насмехались одноклассники.

Возможно, сейчас это кажется нелепо и по-детски, но тогда придурки, ходившие по пятам с глупыми дразнилками, доставали меня до чертиков. Это был один из углей в аду, которым стала для меня средняя школа. Это ничто по сравнению с тем, что произошло с Картером, но сегодня я не хочу об этом думать.

Чем больше я размышляю о нашей встрече в «Мельнице», тем глубже погружаюсь в воспоминания, и в голове все путается. Я не могу сказать, о чем Дакота думала. Никогда не мог. Даже в детстве у нее были свои тайны. В те годы это казалось привлекательным, любопытным и таинственным. Теперь, когда мы повзрослели и она порвала со мной практически без объяснений, это не так весело.

Уставившись на кафель цвета зеленых водорослей, я думаю, что мне следовало бы сказать и сделать в те пять минут. Это какой-то порочный круг: перебирать варианты, потом напоминать себе, что все это не так уж важно, – и потом все это безумие снова и снова. Гляжу на стену, опять представляю себе, как она стояла передо мной. Вот бы прочитать мысли, спрятанные в глубине миндалевидных глаз, или услышать слова, не высказанные пухлыми губами. Эти губы…

Губы Дакоты – что-то особенное: чувственные, цвета нежных розовых лепестков. Они всегда сводили меня с ума, и она мастерски этим пользовалась. Когда нам было по шестнадцать, она подарила мне щенка – в честь двух месяцев наших

отношений. Я знал, что мама не позволит мне его оставить, и Дакота тоже понимала это, поэтому мы решили прятать щенка в моем шкафу. Дакота часто делает то, чего не следовало, но всегда из лучших побуждений. В зоомагазинчике по соседству мы покупали для маленького серого комочка шерсти самый лучший корм. Щенок редко лаял, а когда подавал голос, я начинал громко кашлять, стараясь заглушить тявканье. Так продолжалось, пока пес не вырос слишком большим, чтобы держать его в спальне.

Продержав щенка в плену два месяца, я во всем признался маме. Она расстроилась не так сильно, как я боялся. Но рассказала, сколько стоит содержать щенка, я вспомнил свой жалкий заработок на автомойке, где подрабатывал время от времени, и понял, что этих денег явно не хватит. Счет от ветеринара я не смог бы оплатить даже с учетом чаевых. После долгих слез и споров Дакота наконец смирилась. Чтобы облегчить страдания, мы пересмотрели подряд все фильмы про Властелина колец. Потом обпились фраппучино в «Старбаксе», переживая, что пять долларов за чашку – слишком дорого, объелись конфетами и печеньем с арахисовым маслом так, что у нас заболели животы, и я кончиками пальцев рисовал на щеках Дакоты круги – ей всегда это нравилось, – пока она не заснула у меня на коленях.

Проснувшись, я увидел свой член у нее во рту. Полусонный и возбужденный до предела, я изумленно наблюдал, как Дакота меня ласкает. Она сказала, что хотела попробовать сделать это раньше, но стеснялась. Нежные прикосновения губ были такими волнующими, что оргазм наступил слишком быстро.

Ей понравилось доставлять мне такое удовольствие, и она делала это почти на каждом свидании. Конечно, мне было приятно.

Черт, кого я пытаюсь обмануть? Я был в восторге. Я уже не помню, когда считал мастурбацию приятным способом разрядки. Это было ничто по сравнению с ее губами, а позже – с ее мягкой, влажной киской. Мы довольно быстро перешли от орального секса к традиционному; и нам всегда было мало.

Я не занимался самоудовлетворением до переезда в Вашингтон, хотя мастурбация не кажется мне чем-то плохим или недостойным. Мне так не хватало Дакоты и, конечно, близости с ней! Я посмотрел, как горячая вода сбегает по моему расслабленному члену, потом взял его в руку и, дразня, прикоснулся к концу большим пальцем так, как это делала Дакота языком.

Стоя с закрытыми глазами под струями теплой воды, я почти поверил, что это не моя рука. Я представлял Дакоту, стоящую на коленях перед моей старой кроватью в Вашингтоне. Тогда вьющиеся волосы были светлее. Постоянные репетиции сделали ее тело подтянутым и упругим. Дакота выглядела великолепно, и чем больше мы взрослели, тем более неотразимой она становилась. И вот ее губы двигаются быстрее… Я будто слышу ее стон, я уже на грани.

Приятное покалывание распространяется от кончиков пальцев ног вдоль всего позвоночника. Поскользнувшись, теряю равновесие и прислоняюсь спиной к холодному кафелю. С губ сорвались слова, обычно мне не свойственные, я схватил и резко дернул душевую занавеску с шахматным рисунком.

Щелк, щелк, щелк! Занавеска порвалась и упала с пластиковых колец, увлекая меня за собой. Стукнувшись коленом о край крошечной ванны, я снова завопил и, откинувшись назад, сильно ударился об унитаз. Струя горячей воды ударила мне в лицо.

– Черт! – заорал я.

Схватившись за края ванны, я попытался из нее выбраться. Коленка начала опухать, а руки дрожали, словно желе. К моему ужасу, резко распахнулась дверь. Я отпустил ванну и шлепнулся на дно, ударившись головой. Прежде чем прикрыться, я увидел Тессу, размахивающую руками, как гиппогриф.

– Ты цел? – взвизгнула она. Быстро окинула глазами мое обнаженное тело и зажмурилась. – О боже! Извини!

– Какого черта? – закричала София, появившись на пороге.

Здорово… теперь и она здесь. Я потянулся за оторванной занавеской, чтобы за ней спрятаться. Что может быть хуже? Я взглянул на девушек и кивнул, пытаясь отдышаться. Щеки пылали. Я бы предпочел залезть в кучу собачьего дерьма, чем оказаться голым, в позе эмбриона на дне ванны, с перекинутой через край ногой. Я уперся свободной рукой в мокрый пол и попытался подтянуться.

София оттолкнула Тессу и схватила меня за руку, чтобы помочь подняться. Убейте меня кто-нибудь! Она быстрым движением заправила каштановые

волосы за уши и уже обеими руками потянула меня вверх. Пожалуйста, прикончите меня! Я пытаюсь не дать соскользнуть занавеске, но она падает, как только я встаю. Я нагибаюсь и поднимаю ее с максимально невозмутимым видом.

Кто-нибудь меня слышит? Если не убьете меня, то сделайте так, чтобы я исчез сию секунду. Умоляю.

Раньше я не замечал в карих глазах Софии зеленоватые искры. А может, их и нет, и это я не в себе после падения. Стараюсь не смотреть на Софию, но под ее взглядом рассматриваю острые носы ее коричневых туфель, напоминающих мне ботинки Хардина.

– Теперь все нормально? – София подняла одну темную бровь.

Можно ли чувствовать большую неловкость? Не думаю. Хуже просто не бывает. Полминуты назад я мастурбировал в душе, а теперь – голый и смущенный. Все это вызвало бы у меня истерический хохот, случись это с кем-то другим.

София все еще смотрела на меня, и я понял, что так и не ответил на вопрос.

– Да, да. Я в норме. – Ответ еще хуже, чем я себя чувствовал.

– Не смущайся, – тихо проговорила она.

Я покачал головой.

– Все в порядке, – солгал я и, низко наклонившись, выжал из себя смешок.

Худший способ помочь человеку преодолеть неловкость – сказать ему, чтобы он не смущался.

Тесса обеспокоенно взглянула на меня и хотела было что-то сказать, но тут раздался громкий писк, от которого я вздрогнул.

Может ли быть что-нибудь хуже?

– Шоколад горит! – закричала Тесса и выбежала из ванной, которая казалась еще теснее обычного.

Зеркало и стены запотели, а София так и стояла рядом со мной. Она улыбнулась и прикоснулась пальцами с длинными черными ногтями к моему животу чуть выше пупка.

Мне понравилось, как это выглядит. Дакота не могла позволить себе отрастить ногти из-за занятий. Она часто сетовала на это, но танцы были для нее важнее красивого маникюра.

– Тебе нечего стыдиться.

Комплимент прозвучал как мурлыканье. Мое тело откликнулось. Палец Софии медленно спускался, мои мысли путались, но я не хотел, чтобы она останавливалась. Она продолжала рисовать линию как раз там, где заканчивалась занавеска, прикрывающая мое мужское достоинство. Я пытался сообразить, зачем она это делает, я силился сдержать эрекцию.

Я не очень хорошо знаю Софию, но ясно, что она намного смелее всех знакомых мне девушек моего возраста. Она не из тех, кто будет отбирать у тебя пульт, когда по телику показывают «Шеф-повар», и для нее точно не проблема прикоснуться к моему обнаженному влажному телу. София играла, шевеля кончиком указательного пальца волоски на пушистой дорожке, протянувшейся от пупка к паху.

Она что-то сказала? А, да. Она сказала:

– Тебе нечего стыдиться.

Когда перестанет пищать сигнализация?

Что она хочет этим сказать? Мне нечего стыдиться? Я чуть не разбил задницу в душе во время мастурбации, к тому же две девушки застали меня голым на полу в душевой.

Естественно, мне стыдно. И как раз сейчас чары ее прикосновений начали ослабевать, и ко мне медленно стало возвращаться сознание.

Я смотрел на Софию, на отражение ее темных волос в запотевшем зеркале.

– Спасибо, – еле слышно прозвучал мой голос. – Мне тут пришлось немного покувыркаться, – откашлявшись, добавил я и рассмеялся, осознав, насколько забавно все это выглядело со стороны.

Ее взгляд потеплел, а палец все еще медленно двигался по моему животу и дразнил. В этом не было ничего особенного, но я не знал, что сказать или сделать. До того как я нашел решение, она с улыбкой отстранилась.

Покраснев, я отвернулся и вытер зеркало рукой. София стояла между мной и вешалкой для полотенец. Я посмотрел на свое отражение и поморщился, дотронувшись пальцем до маленького, но глубокого пореза над глазом. По лбу стекала струйка крови. Я сорвал полотенце для рук с вешалки за спиной Софии, промокнул рану и пообещал себе никогда больше не пытаться выйти из крошечного душа, пока не надену доспехи или хоть что-нибудь. Чтобы остановить кровь, я прижал полотенце изо всех сил.

София не выходит из ванной. Мне надо заговорить с ней или что-то сделать? Я не понимаю, о чем она думала, трогая меня. Существует ли какое-то правило этикета для таких ситуаций? Это обычное поведение для одиноких молодых людей?

До сих пор у меня был только один роман, у меня нет опыта. Не представляю, о чем эта девушка думает или чего она хочет. Я вообще мало что о ней знаю.

Мы мало знакомы. Встретились в Вашингтоне, когда ее семья поселилась по соседству с домом моей мамы и Кена. София старше меня на несколько лет и любит, чтобы друзья называли ее Норой, а я все время ошибаюсь только затем, чтобы Тесса с недовольным видом меня поправила. София всегда пахнет сладостями. Еще я знаю, что она много раз переезжала, потому что ей не нравятся соседи, и она тусуется с Тессой, когда я занят. Так или иначе, последние несколько месяцев они дружат. Вот, в общем-то, и все. Может показаться, что мне известно довольно много, но на самом деле все это просто факты, ни о чем не свидетельствующие. А, да, она только что окончила

кулинарную школу и работает с Тессой в одном ресторане.

И теперь могу добавить, что она любит трогать голые мокрые животы.

Я отвернулся от зеркала и снова посмотрел на нее.

– Ты хочешь убедиться, что у меня нет сотрясения мозга? – поинтересовался я.

Она кивнула, широко улыбнувшись. В уголках ее глаз – мелкие морщинки, а губы невероятно пухленькие, особенно когда она облизывает их языком. Влажные губы и такие глаза… Она убийственно хороша.

Она это знает.

И я знаю.

Все знают.

София из тех женщин, которые тебя пережуют и выплюнут, а ты будешь наслаждаться каждым мгновением процесса. Она постукивала указательным пальцем по нижней губе, а я по-прежнему хранил молчание. Она же не заигрывает со мной? Я в замешательстве. Мне не на что жаловаться, просто она запутала меня.

– Благодарю за беспокойство, – поблагодарил я Софию и подмигнул.

Неужели я действительно это сделал?

Я быстро отвел глаза, ужаснувшись, как мне пришло в голову сделать такую глупость. Подмигнул? Мне это не свойственно, я наверняка выглядел как полный придурок.

Наши взгляды встретились глазами, ее губы разомкнулись. София сделала широкий шаг ко мне.

Я невольно отшатнулся, попятился и уперся поясницей в раковину.

– Ты такой хороший. – Ее голос был таким нежным, а глаза блуждали по моей обнаженной груди.

Слышать от того, кто просто источает сексуальность, слово «хороший» не особенно приятно. Вся она – от обворожительных губ до изгиба бедер – сплошное желание. Я всегда очень хороший. Ни одна женщина никогда не увлекалась мной и не называла сексуальным.

Нора подняла руку, от чего я слегка вздрогнул: вдруг она собирается дать пощечину за то, что я не раз представлял ее голую? Но она меня не ударила, возможно, потому, что ей были недоступны мои мысли, хотя я чувствовал себя полностью разоблаченным. Она постучала пальцем по кончику моего носа. От неожиданности я зажмурился, а когда открыл глаза, она уже отошла от меня.

И Нора без лишних слов вышла из ванной в коридор.

Я провел рукой по лицу, пытаясь стереть из памяти последние пять минут… хотя последние две, может, и не стоило.

Раздался вопрос Тессы, все ли со мной в порядке. Откинув голову назад, я сделал глубокий вздох, закрыл дверь и со щелчком закрыл замок. На полу валялась порванная занавеска, а вся ванная выглядела так, словно в ней бушевал торнадо. Повсюду рассыпаны пластиковые кольца от шторки, флакон с шампунем и жидкое мыло – на полу. Расставляя все по местам, не могу удержаться от смеха. Да уж, такое могло случиться только со мной!

Одежда, которую я принес, промокла: на рубашке – влажное пятно во всю спину, а шорты почти сухие. Натянув их, я собрал мокрые вещи, чтобы отнести их в свою комнату. Мои темные мокрые волосы почти высохли. Я причесался фиолетовой расческой Тессы и пригладил растительность на лице, которую с некоторых пор решил отращивать. Тессин ванильный лосьон маслянистый, но так хорошо пахнет, а я все время забываю купить собственный. К счастью, в шкафчике есть пластырь, чтобы заклеить порез.

Разумеется, это не обычный лейкопластырь, Тесса купила особый, охлаждающий.

Ура, жизнь налаживается!

Когда я вышел в коридор, на всю квартиру раздавался хохот Норы, а Тессу не было слышно. Она не смеялась с тех пор, как мы съехались, и это беспокоило меня. Но я понимал, что она должна сама справиться, и не торопил события. Тесса не из тех, кто следует чужим советам, тем более когда дело касается Хардина. Я задумался о нем и почему-то вспомнил, что завтра у меня дневная смена. Черт! Завтра рано вставать, надо поторопиться. Я бросил одежду в корзину для стирки в коридоре и отправился в кухню выпить воды и пожелать девушкам доброй ночи. Ведь это такое естественное желание – все исправить и закончить вечер, сделав вид, что мне больше нечего делать.

Тесса сидела на диване, положив ноги на подушку, а Нора лежала на ковре, завернутая, как буррито, в мое желто-бордовое гриффиндорское одеяло. Я скосился на телевизор. «Кексовые войны». Как всегда. Эти женщины не смотрят ничего, кроме кулинарных шоу и подростковых драм на кабельном канале. Честно говоря, некоторые мне тоже нравятся. Сериал про подростков – охотников за демонами – мой любимый, а еще люблю смотреть про приемную семью.

– Девчонки, вам нужно что-нибудь из кухни? – спросил я, перешагивая через ноги Норы, торчащие из-под одеяла.

– Воды, пожалуйста.

Тесса наклонилась к телевизору и поставила запись на паузу. На экране неподвижно застыла женщина с кудрявыми черными волосами, широко открытым ртом и поднятыми вверх руками. Она нервничала из-за подгоревших кексов или чего-то такого.

– А у тебя есть что-нибудь, кроме воды? – поинтересовалась Нора.

– Здесь не продуктовый магазин, – ответила Тесса, дразня подругу.

Нора вынула подушку из-под головы и запустила в нее.

Тесса улыбнулась и поймала подушку. Этого слишком мало. В норме она любит посмеяться.

Я не знал, что у нас есть из напитков, и, подняв вверх палец, пошел это выяснять. Ровными рядами выстроились бутылки. Да, Тесса следит за наполнением нашего холодильника, и, оказывается, у нас есть что предложить измученной жаждой душе, кроме воды.

– Гаторейд[3 - Популярный изотонический спортивный напиток.], сладкий чай со льдом, апельсиновый сок! – перечислил я.

Неожиданно прямо у меня над ухом раздался голос Софии, я аж подскочил.

– Фу… Мне нравится только синий гаторейд, – произнесла она таким тоном, будто ее лично обидел мой любимый напиток.

– Фу? Как ты можешь такое говорить, София? – Я с недоверием посмотрел на нее и положил руку на открытую дверь холодильника.

– Легко. – Она улыбнулась, прислонившись к стойке. – И прекрати называть меня Софией, а то с этого момента я буду к тебе обращаться: Джордж Стрейт[4 - Популярный в США исполнитель кантри.].

– Джордж Стрейт?

Не могу сдержать смех. Из всех возможных имен она выбрала именно это… Ладно, это, очевидно, случайность.

Нора тоже тихонько рассмеялась, устремив на меня острый взгляд. Она отлично выглядит.

Нора-не-София пожала плечами:

– Предпочитаю Джорджа.

Надо посмотреть, как выглядит Джордж Стрейт. Не сомневаюсь, что раньше его видел, но мне с детства не доводилось слушать кантри.

Нора собрала волосы в «конский хвост», длинные локоны спадают на одно плечо, она в короткой рубашке, открывающей живот, и облегающих легинсах-

капри. Честно говоря, прежде я был слишком озабочен собственной наготой и просто ее не замечал.

Она флиртует? Не уверен. Дакота всегда подшучивала над моим невежеством в вопросах женского кокетства. Мне больше нравится называть это чистотой и неопытностью. Если бы я понимал в амурных делах, то, возможно, превратился бы в одного из тех, кто одержим девушками. Я бы сомневался во всем, что говорю или делаю. Может, я даже стал бы чуваком, который укладывает волосы гелем, чтобы концы торчали, как иголки у ежа. Таких вечно показывают в обеденно-ресторанном шоу вроде того, что Тесса с Норой смотрели вчера вечером. Но я не хочу прятать фантастические книги или скрывать, что могу пересказать каждый фильм про Гарри Поттера реплика за репликой. Не хочу казаться равнодушным, потому что я точно никогда таким не буду. Я всегда был чувствительным, и мне это нравится. Кроме того, я предпочитаю не конкурировать с миллионами совершенных мужчин, а вместо этого хранить на полках книги и, если повезет, найти женщину, которой они тоже нравятся.

Раз уж синего гаторейда у нас не оказалось, я попытался соблазнить Нору своим любимым красным.

– Ты такой немногословный, – услышал я.

Нора взглянула на бутылку, в недоумении подняла бровь и покачала головой.

Я промолчал.

– Мне кажется, это лучше, чем вода.

В ее нежном голосе не слышалось ни малейшего недовольства, несмотря на явно серьезные проблемы с гаторейдом. Меня мучило любопытство: что она еще любит? Есть ли другие сладкие напитки, против которых она затаила нелепую обиду? Неожиданно мне захотелось это узнать. Пока я заранее готовился к защите любимых энергетиков, которые она, похоже, терпеть не может, Нора открутила крышку на красной бутылке и сделала глоток.

Спустя мгновение она сказала:

– Да, – пожала плечами и, отхлебнув еще, отвернулась и ушла.

Она странная. Не такая, как те девушки, что живут с мамой и коллекционируют мягкие игрушки. Просто я не могу разобраться, какая она, и мне совершенно непонятно, что значили эти неловкие паузы и случайные прикосновения, хотя вообще-то я хорошо разбираюсь в людях.

Но вместо того, чтобы разгадывать романтический шифр, я взял из холодильника воды и отправился к себе дописывать эссе, а потом лег спать.

Глава четвертая

Утро наступило быстро. Я заснул после полуночи и проснулся в шесть. Сколько часов сна рекомендуют доктора? Семь? До идеала мне не хватает процентов тридцать. Это, безусловно, много. Но я привык ложиться поздно, а просыпаться рано и настоящим ньюйоркцем стану не скоро. В Бруклине я каждый день пью кофе, постепенно начинаю ориентироваться в метро и уже научился уворачиваться от мамаш с детскими колясками.

Тесса набирается опыта одновременно со мной, хотя между нами есть одно, возможно, важное отличие: я даю меньше денег бездомным, которых встречаю по дороге в колледж. А Тесса, возвращаясь с работы, жертвует половину своих чаевых. Не то чтобы мне все равно или я не был склонен оказывать помощь нуждающимся, просто я предпочитаю при возможности угощать их кофе или кексами, а не снабжать деньгами, чтобы не поддерживать потенциальные вредные привычки. Мне понятны чувства, с которыми Тесса вручает бездомному пятидолларовую банкноту. Она искренне надеется, что тот купит еды или то, что ему необходимо. В этом я совсем не уверен, но не хочу с ней спорить. Возможно, Тесса придерживается другого мнения, но я знаю, что она поступает так по личным причинам. Тесса нашла своего отца, давно ушедшего из семьи, когда тот жил на улице. Они познакомились незадолго до того, как отец снова начал употреблять наркотики и умер. Это было чуть меньше года назад. Моя подруга тяжело переживала потерю, и, думаю, помощь незнакомцам облегчает боль от незатянувшейся раны.

За каждый пожертвованный доллар она получает в награду улыбку, благодарность или благословение. Тесса из тех, кто старается видеть в людях только хорошее. У нее щедрое сердце, поэтому и от других она ждет бескорыстия и доброты, надеясь, что в глубине души все люди милосердны. По-моему, таким образом она пытается оправдаться перед собой за неудавшиеся отношения с отцом, а возможно, и с Хардином, одним из самых сложных из известных мне людей. Конечно, так считать наивно, но Тесса – моя подруга, а это единственная позитивная мысль, которая поддерживает ее в последнее время. Ее серые глаза опухли от бессонницы. Она изо всех сил старается вернуться к жизни после постигших ее несчастий: мучительного разрыва с любимым, смерти отца и провала при поступлении в университет.

Слишком много испытаний для одного человека. Год назад, когда мы только познакомились, Тесса была совсем другой. Внешне она не изменилась: красивая блондинка с выразительными глазами и нежным голосом. Высокий средний балл аттестата давал ей все шансы стать студенткой. Стоило нам начать общаться, и я тут же почувствовал, что встретил женскую версию самого себя. Мы первыми пришли на лекцию в первый день занятий в колледже, разговорились и моментально сблизились. Наши отношения стали еще более доверительными, когда завязался роман с Хардином. Я был свидетелем их любви и скорого расставания.

Я видел, как они ссорились и мирились, как они сходили с ума от страсти и терзали друг друга снова и снова. Я то вставал на сторону Хардина, то поддерживал Тессу, так что в этой войне мне тоже досталось. Отношения между ними были слишком сложными и запутанными, поэтому теперь я беру пример с Беллы Свон и сохраняю нейтралитет, как Швейцария.

Ой, я упомянул «Сумерки»! Мне нужен кофеин. Сейчас же.

В кухне я увидел Тессу, сидевшую за нашим маленьким столом с телефоном в руке.

– Доброе утро, – кивнул я и включил кофеварку.

С тех пор, как я устроился на работу в «Мельницу», во мне появился своего рода кофейный снобизм. Это не мешает, когда твоя соседка по квартире – такая же страстная поклонница благородного напитка. Она не такая требовательная, но

любит кофе даже больше меня.

– Доброе утро, солнышко, – ответила Тесса рассеянно.

Сначала она едва взглянула на меня, оторвав взгляд от мобильника, но заметила глубокий порез над моей бровью, и на ее лице появилась тревога. Проснувшись, я снял пластырь и намазал рану мазью.

– С головой все в порядке, но, черт возьми, мне так стыдно!

Я насыпал бразильского кофе в кофеварку. Машина занимает половину свободного пространства между бежевым холодильником и микроволновкой, но мы не можем без нее обойтись.

Тесса улыбнулась, прикусив губу.

– Да уж, – согласилась она, прикрывая рот, чтобы скрыть усмешку.

Я был бы рад, если бы она рассмеялась… Я хочу, чтобы она вспомнила, что такое веселье.

– Налить еще? Ты сегодня работаешь? – спросил я, заметив на столе пустую крохотную чашечку.

Вздохнув, Тесса подняла со стола мобильник и тут же положила обратно.

– Да.

Глаза опять красные от слез. Этой ночью я не слышал плача, но это ничего не значит. В последнее время ей лучше удается скрывать переживания. Во всяком случае, она так думает.

– Да, налей, пожалуйста, и да, работаю, – ответила Тесса. Покашляла и, опустив глаза, спросила: – Ты не знаешь, когда приедет Хардин?

– Нет. Мы не виделись несколько недель. Ты же его знаешь. – Я пожал плечами. Если кто и знает Хардина, то это Тесса. – Ты уверена, что не против этого? Только скажи – и я поселю его в гостинице или еще где-нибудь, – предложил я.

Я не хотел создавать ей проблем в собственном доме. Хардин, конечно, на меня обидится, но мне по барабану.

Она изобразила улыбку.

– Нет, нет, все нормально. Это же твоя квартира.

– И твоя тоже, – напомнил я ей.

Я поставил первую чашку эспрессо для Тессы в морозильник. Последнее время она пьет только холодный кофе. Подозреваю, что все, даже горячий кофе, напоминает ей о бывшем.

– Возьму в ресторане дополнительные смены. Обучение почти закончилось. Сегодня я буду готовить обед и ужин.

Я очень переживаю за подругу, и собственное одиночество сейчас не кажется мне такой уж драмой по сравнению с разбитым сердцем Тессы.

– Если ты передумаешь…

– Нет, все в порядке. Сколько это длилось? – она пожала плечами. – Четыре месяца или вроде того?

Ложь была видна невооруженным взглядом, но если я скажу ей об этом, ничего хорошего не выйдет. Иногда лучше просто не вмешиваться и делать вид, что не замечаешь, что скрывает Тесса, если ей так легче.

Эспрессо обжег горло. Очень вкусный и крепкий. Внезапно я почувствовал себя намного бодрее, чем две секунды назад. Да, я понимаю, что это самовнушение, но мне плевать.

Я оставил чашку в раковине и стянул толстовку со спинки стула. Мои кроссовки стояли у двери в ровном ряду вместе с другой обувью. Тесса постаралась.

Впрыгнув в них, я вышел из дома.

Глава пятая

В бодрящем воздухе уже чувствуется наступление осени. Осень – мое любимое время года. Каждый раз я с нетерпением жду этот сезон перемен, мне нравится наблюдать, как зеленые листья постепенно желтеют, нравится запах кедра, заполняющий улицы. Футбольный сезон заканчивается, а хоккейный начинается, моя жизнь становится интереснее. Обычно ожидание нового спортивного сезона начиналось так: вместе с мамой во дворе мы сгребали опавшую листву в огромные грязные кучи и, напрыгавшись по ним вдоволь, запихивали их в пластиковые пакеты с нарисованными на них рыжими тыквенными рожицами.

Листьев всегда было много, потому что перед домом росли две большие березы. Вообще-то осень в Мичигане длится недолго. Без перчаток и пальто мы успевали сыграть лишь пару раз. Хоть и грустно было видеть, как осень близится к концу, но мороз, пощипывающий кожу, я тоже люблю. В отличие от большинства людей, зимой я чувствую себя вполне комфортно. Для меня холод означает спорт, каникулы и кучи сладостей на кухонном столе. Дакота всегда терпеть не могла мороз. Красный нос и сухие волосы приводили ее в бешенство. Она выглядела прекрасно в любое время года, даже когда натягивала на себя несколько свитеров. Клянусь, она начинала носить варежки с сентября.

Так случилось, что самое лучшее место для бега в Бруклине расположено достаточно далеко от моего дома. Парк Маккаррен соединяет два лучших района города: Гринпойнт и Уильямсберг. В этой части Бруклина часто попадаются длинные бороды и клетчатые фланелевые рубашки, как у дровосека. Местные носят очки в черных оправах и держат крошечные ресторанчики с приглушенным освещением и маленькими красивыми тарелками. Мне непонятно, почему двадцатилетним парням нравится одеваться так, словно им семьдесят, но еда, которую здесь готовят, стоит того, чтобы оказаться в толпе мужиков с усами, напоминающими велосипедный руль. Путь туда занимает немногим больше двадцати минут, поэтому обычно я бегу всю дорогу

до парка, там накручиваю круги еще час и, сбавляя темп, возвращаюсь домой.

Я обогнал женщину, бегущую с маленьким ребенком в прогулочной коляске. У меня ноет колено, но если она может заниматься спортом с малышом, то и я смогу. Через пару минут тупая боль в ноге превратилась в пульсирующую и стала ощутимее. Тридцать секунд спустя я почувствовал резкие прострелы в каждой мышце. Каждый шаг напоминает мне о вчерашнем падении в душе. Плевать.

Сегодня выходной, и, несмотря на ногу, мне не хочется сидеть дома в первую субботу после устройства на работу. Тесса – в ресторане. Ее смены отмечены в маленьком органайзере на холодильнике, но она, на всякий случай, меня еще и предупредила. Я решил позвонить маме, присел на скамейку и вынул телефон. Маме скоро рожать, и, мне кажется, я на расстоянии чувствую, как она нервничает. Уверен, она будет самой лучшей мамой для моей младшей сестренки, хотя она сама сомневается в своих силах.

Не отвечает. Итак, единственная подруга занята, а мама не берет трубку. Что же делать? Я всегда был неудачником. Кроссовки стучат об асфальт, и я начинаю считать шаги. Боль в колене утихла, когда я сбавил темп.

– Осторожнее слева! – прокричала женщина, пробегавшая мимо.

Она беременна, а из коляски выглядывают еще два пухленьких малыша. Да, у нее немало забот. Сейчас в Бруклине модно иметь много детей и повсюду брать их с собой. Я встречал людей с колясками даже вечером в баре.

Мне нечего делать. Да, я, двадцатилетний студент колледжа, живу в самом, как считают многие, замечательном городе мира, и в выходной мне совершенно нечем заняться.

Мне жаль себя. Но не до такой степени, чтобы попытаться завязать новые знакомства. Я просто не умею заводить друзей. Нью-йоркские студенты не так приветливы, как учащиеся университета Западной Каролины, и если бы Тесса не заговорила со мной первая, у меня, возможно, и вовсе не было бы друзей. Она – первый человек, с которым я сблизился после смерти Картера.

Хардин не в счет, с ним с самого начала было трудно. Он вел себя так, будто люто ненавидел меня, но я чувствовал, что все не так однозначно и за этим что-то кроется. На самом деле все это было из-за моих отношений с его отцом, которые стали для Хардина воплощением всего, чего так не хватало ему самому. Сейчас я понимаю, что он просто завидовал. Хардин считал несправедливым, что я получил улучшенную версию его отца, в прошлом алкоголика и морального садиста. Он ненавидел меня за то, что я люблю спорт так же, как его отец. Он терпеть меня не мог, потому что его отец переехал жить в большой дом к нам с мамой, Хардин высмеивал автомобиль, который мне подарил отчим. Я понимал, что подружиться со сводным братом будет нелегко, но даже не предполагал, что со временем смогу взглянуть на все его глазами и почувствовать его боль. Ведь и мое детство было не таким безоблачным, как ему казалось.

Мой отец умер раньше, чем я смог узнать его, и все вокруг старались компенсировать его отсутствие. Мама не переставая рассказывала о нем разные истории. Отца звали Ален Майкл, и, по ее словам, он был очень симпатичным парнем с длинными каштановыми волосами, который мечтал стать рок-звездой. Я скучал по отцу, хотя, в сущности, его не знал. Мама говорила, что он был скромным человеком и умер естественной смертью совсем молодым, когда ему было двадцать пять, а мне исполнилось всего два года. Боль Хардина была совсем иного рода, но я всегда считал, что глупо соревноваться в несчастьях.

И все-таки главное, чем различалось наше детство, – это матери. Моей посчастливилось найти в городе хорошо оплачиваемую работу, кроме того, мы могли рассчитывать на страховые выплаты от завода, где работал отец. А мать Хардина выбивалась из сил, чтобы свести концы с концами. Их материальное положение было несоизмеримо хуже.

Мне трудно представить своего отчима Кена таким, каким его знал Хардин. Сколько я его знаю, он всегда был добрым, веселым и трезвым, как секретарь Колумбийского университета. Он боготворит мою маму и очень много для нее делает. Хардину было трудно принять, что его отец может любить другую женщину больше выпивки, но сейчас он считает иначе. Если бы Кен мог, он еще раньше сделал бы выбор в пользу сына, а не бутылки. Но иногда люди не так сильны, как нам хочется. Боль мучила Хардина и превращалась в гнев, который он не мог сдерживать.

Когда же Хардин и все мы узнали, что Кен не его родной отец, мукам моего сводного брата пришел конец. Он перестал обвинять других в собственных

проблемах и решил взять на себя ответственность за свою жизнь, за свои поступки, за самого себя. Хардину помогает в этом психотерапевт, и это очень радует меня и мою маму. Она любит этого сердитого парня как родного.

Я прошел мимо парочки, которая, взявшись за руки, гуляла с собакой. Это зрелище вызвало у меня новый прилив жалости к себе. Может, нужно встречаться с девушками? Но я даже не знаю, как это делать. Мне бы хотелось романтических отношений, но я не уверен, что смогу увлечься кем-то, кроме Дакоты. Вся эта любовная кутерьма так изнурительна, да и Дакота порвала со мной только полгода назад. Интересно, она с кем-нибудь встречается? Или собирается? Не представляю, что кто-то может узнать меня лучше Дакоты или сделать меня таким же счастливым. Мы знакомы так давно, что потребуются годы, чтобы кто-то стал мне так же близок, как она… когда-то.

Понимаю, что ждать годы не могу: я не молодею. Но мысли о Дакоте не позволяют двигаться дальше.

Парочка остановилась для поцелуя. Я улыбнулся и отвел взгляд. Я рад за них. И рад, что этим незнакомым людям не придется проводить ночи в одиночестве и мастурбировать в душе.

Ха, какие горькие мысли!

Я стал как Хардин.

Кстати, о Хардине. Я же могу ему позвонить и убить минимум пять минут, пока он не повесит трубку. Я вынул телефон из кармана и, найдя его имя, нажал кнопку.

– Да? – после первого же гудка услышал я.

– И это твой самый теплый привет?

Я перешел на другую сторону улицы, продолжая свою бесцельную прогулку по окрестностям. Все равно я хотел лучше узнать этот район, почему бы не начать сегодня?

– Я бы на другой не рассчитывал. Чего тебе?

Разъяренный таксист возмущенно закричал на пожилую женщину, которая слишком медленно переходила дорогу перед его машиной.

– Собственно, сейчас я смотрю на себя в будущем.

Я рассмеялся над собственным сарказмом, продолжая смотреть на дорогу: хотел убедиться, что женщина благополучно доберется до тротуара.

Хардин не засмеялся и не поинтересовался, о чем я, черт подери, говорю.

– Просто мне скучно, и я хотел бы обсудить твой приезд, – продолжил я.

– А что? Я еще не забронировал билет, но рассчитываю быть числу к тридцатому.

– Сентября?

– Разумеется.

Я практически вижу, как он закатывает глаза.

– Ты остановишься в отеле или у меня?

Старуха пересекла наконец дорогу, поднялась по ступенькам и вошла, думаю, в свой дом.

– А она чего хочет? – понизив голос, осторожно спросил Хардин. Он уже давно не произносит имени Тессы.

– Она говорит, что не против, если ты поживешь у нас, но если она передумает, ты понимаешь, тебе придется съехать.

Я одинаково отношусь к ним обоим, но в данной ситуации я предпочитаю помочь Тессе. Это ее плач я слышу по ночам. Это она старается изо всех сил начать новую жизнь. Я не дурак и понимаю, что Хардину, возможно, еще хуже. Но

Хардина поддерживают другие, и у него есть психотерапевт.

– Да, черт, понимаю.

Меня нисколько не удивляет его раздражение. Все, кто пытается помочь Тессе, вызывают у него неприязнь. Он считает, что это его обязанность. И не понимает, что именно от него я стараюсь ее защитить.

– Я не собираюсь делать глупости. У меня назначено несколько встреч, кроме того, я, возможно, немного потусуюсь с вами. Честно говоря, я рад просто жить с ней в одном штате.

– Какие встречи? Ты собираешься сюда переехать?

Очень надеюсь, что нет. Я не готов снова оказаться в центре военных действий. Я думал, у меня будет, по крайней мере, несколько месяцев до того, как эту парочку снова соединят волшебные силы безумия.

– Да нет, черт побери. Это всякая ерунда по работе. Я расскажу тебе, когда будет время, но не сейчас. Кто-то звонит мне по другой линии. – Он дал отбой раньше, чем я успел ответить.

Таймер на экране показывал пять минут двенадцать секунд. Рекорд. Перехожу улицу, закидываю мобильник в карман. Добравшись до угла, решил осмотреться, чтобы сообразить, где нахожусь. Ряды таунхаусов из красного кирпича и особняков из песчаника по обеим сторонам улицы. В конце квартала – маленькая картинная галерея, через окна которой можно разглядеть яркие разноцветные абстрактные фигуры на полотнах, подвешенных на шпагате. Я никогда там не бывал и могу только догадываться, сколько стоят эти шедевры.

– Лэндон! – донесся знакомый голос с противоположной стороны улицы.

Взглянув на тротуар, я увидел Дакоту. Черт побери эту женщину и ее манеру одеваться! На ней вчерашние облегающие леггинсы, те же спортивные шорты и топ. Грудь у нее более чем скромных размеров, но самая упругая из тех, что я видел. Не то чтобы я эксперт по буферам, но ее великолепны.

Пересекая перекресток, Дакота машет мне рукой, и если эта встреча не рука судьбы, то я не знаю, что это.

Глава шестая

Едва приблизившись, Дакота обвила мою шею руками и прижалась ко мне. Наши объятия длятся несколько дольше обычного. Отодвинувшись, она прислонилась головой к моему плечу. Она почти на тридцать сантиметров ниже меня, и я всегда любил ерошить ее густую кудрявую шевелюру, добавлявшую немного роста на фотографии в водительском удостоверении.

Сегодня волосы всклокочены больше обычного, а нос покраснел, хотя еще не очень холодно, правда, ветрено и от пролива Ист-Ривер тянет свежестью.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался я.

Она живет в Манхэттене, а я вижу ее в Бруклине уже второй раз на этой неделе.

– Бегаю. Через манхэттенский мост и дальше, вдоль железной дороги.

Наши глаза встретились, и она быстро перевела взгляд на мой лоб.

– Что случилось с твоим лицом? – Она прикоснулась к ране, и я поморщился.

– Длинная история. – Коснувшись пальцами больного места, я почувствовал припухлость вокруг пореза.

– Ты ввязался в уличную драку по дороге? – пошутила Дакота.

Сердце затрепетало в груди. Я скучаю по ней даже сейчас, когда она рядом. Ничто на свете не заставило бы меня рассказать, что на самом деле произошло с моей головой. Или коленом. Эх, какой же я придурок, когда гляжу на нее и вспоминаю, как мечтаю о ней каждый раз, когда занимаюсь самоудовлетворением.

– Не совсем, – я отрицательно покачал головой, – упал в душе. Но твоя версия мне больше нравится. Звучит точно круче, – рассмеялся я, глядя на Дакоту.

Мой ответ польстил ей, и Дакота, привстав на носки, ударила по асфальту пятками розовых, в цвет к ее крошечным шортам, «найков». Замечаю, что желтый фирменный знак на обуви гармонирует с коротким топом.

– Так что ты собираешься делать? Хочешь кофе или еще чего-нибудь? – спросила она.

Она смотрела на другую сторону улицы, на влюбленную парочку, которую я встретил раньше. Все так же держась за руки, они брели по улицам Бруклина. Парень кутал девушку в свой пиджак и целовал ее волосы – весьма романтическая сцена. Дакота снова посмотрела на меня. Хотелось бы мне знать, о чем она думает в эту минуту. Может, она скучает по мне? Может, глядя на эту счастливую пару и их сплетенные руки, она хочет вернуть нашу любовь?

Она хочет со мной погулять. Что это значит? Я абсолютно не занят, но, возможно, лучше сделать вид, что у меня хватает дел помимо учебы и работы.

– Сейчас у меня есть немного свободного времени, – пожал я плечами.

Дакота взяла меня под руку, и мы пошли вдоль улицы. Неторопливо шагая, я соображаю, как бы начать разговор, чтобы вышло не очень неловко. Говорю «не очень», потому что если кто и может превратить обычную ситуацию в конфуз, так это я.

Два квартала до «Старбакса» Дакота преодолевает молча. Мне кажется, с ней что-то не так.

– Ты замерзла?

Следовало спросить ее об этом раньше. Ей, должно быть, холодно, она легко одета.

Дакота подняла на меня глаза и, несмотря на покрасневший, как у олененка Рудольфа из одноименного мультфильма, нос, выдававший ее, отрицательно

покачала головой.

– Возьми, – мягко отстранившись от Дакоты, я стянул через голову толстовку и отдал ей.

Меня тронуло за живое, когда она понюхала грубую ткань, как раньше. Она обожала носить мои худи и все время таскала их у меня в школе. Мне приходилось покупать их каждую неделю, чтобы не остаться раздетым.

– Ты по-прежнему пользуешься «Спайсбомб», – заметила она.

На первое наше Рождество она купила мне первый флакон этого одеколона и потом дарила каждый год.

– Да. Некоторые вещи не меняются.

Смотрю, как она натягивает мою толстовку. На свет появляется макушка, и я помогаю Дакоте вытащить кудри из кофты. Худи достает до колен.

Дакота посмотрела на надпись. «Дары смерти». Потрогала кончик треугольника неокрашенным ногтем.

– Некоторые вещи действительно не меняются.

Я думал, что она улыбнется, но лицо осталось серьезным.

Она снова понюхала толстовку.

– Тебе нравится запах или у тебя там спрятана заначка?

На этот раз Дакота рассмеялась, но мне опять показалось, что она расстроена.

– Ты занимай столик, а я пойду за кофе.

Так мы обычно делали в Сагино: она выбирала место, как правило, у окна, а я заказывал наши любимые напитки. Двойной мокко-фраппучино с

дополнительной порцией сахарного сиропа для нее и двойной крепости для себя. Я всегда покупал два лимонных кекса, и она съедала глазурь с моего.

Мой вкус за эти годы изменился. Я больше не могу пить сладкий молочный коктейль, замаскированный под кофе. Заказал ей фраппучино, взял себе американо и два лимонных кекса. В ожидании заказа смотрю на Дакоту. Она сидит за столом, подперев подбородок руками, с задумчивым неподвижным взглядом.

– Мокко фраппе и американо для… Лондона!

Симпатичная задорная бариста называет имя с ошибкой. Она поставила напитки на стойку с широкой улыбкой, как все сотрудники, кто старается получить от начальства в награду фирменный брелок с русалкой.

Я подошел к столу, Дакота слегка привстала. Выдал ей большой пластиковый стакан, а она с интересом посмотрела на мой.

– Что там?

Я сел напротив, и она потянулась губами к моему кофе.

– Тебе не понравится, – предупредил я.

Но поздно: она закрыла глаза и скривилась. Дакоте очень хотелось сплюнуть, но она удержалась. Стараясь проглотить смесь воды с эспрессо, наполнившую ее щеки, она стала похожа на очаровательную маленькую белочку.

– Фу! Как ты можешь это пить? – воскликнула она наконец.

Я пододвинул к Дакоте ее стакан.

– У него вкус прямо как у дегтя, фу! – Она всегда любила драматизировать.

– Мне нравится, – потягивая кофе, я пожал плечами.

– И давно ты пьешь такой странный кофе? – Дакота снова сморщила нос в гримасе отвращения.

Я засмеялся.

– Он не странный. Здесь только вода и эспрессо, – сказал я, защищая свой любимый напиток.

Она фыркнула.

– Для меня странный.

В ее словах чувствовалось еще что-то. Трудно определить точно, но похоже, что она за что-то на меня злится, хотя я не понимаю, в чем моя вина.

Как будто мы все еще встречаемся.

– А я купил тебе лимонные кексы. Две штуки.

Я пододвинул к ней через стол коричневый бумажный пакет. Дакота покачала головой и вернула его на мой край стола.

– Я больше не могу есть такие штуки. Этот кофе – мой завтрак. – Она поморщила нос, и я вспомнил ее жалобы на рацион, принятый в академии. Ей приходится соблюдать строгую диету, и лимонный кекс в нее точно не входит. – К сожалению.

Скривившись, я завернул пакет, чтобы взять кексы домой и съесть их позже, когда Дакота не будет свидетелем моего чревоугодия.

– Как поживаешь? – поинтересовался я после затянувшейся паузы, как будто никто из нас не знал, о чем разговаривать, когда мы уже не пара.

Мы вели себя как чужие. До того как Дакота стала моей девушкой, мы много лет дружили. Ее брат был моим лучшим другом, и это сближало нас еще больше. Чувствуя, как по спине бегут мурашки, я ждал ответа.

– У меня все в порядке.

Она вздохнула, прикрыв на мгновение глаза. Мне стало ясно, что она лжет.

Я вытянул руку и положил на стол. Мне так хотелось прикоснуться к ней, но это было бы неуместно.

– Ты знаешь, что можешь сказать мне всё.

Она снова вздохнула, не принимая помощь.

– Надеюсь, ты помнишь, что я твой безопасный причал? – напомнил я Дакоте.

Когда я впервые увидел ее в слезах, с окровавленной головой на крыльце, я поклялся, что всегда буду защищать ее. Ни время, ни наш разрыв не могут изменить данного мной обещания. Но это было не то, что Дакота хотела услышать.

– Нет, – оттолкнула она мою руку. – Мне не нужен причал, Лэндон, мне нужно… Ну, я сама не знаю, что мне нужно, потому что моя жизнь летит ко всем чертям, и я не знаю, как все исправить.

Ее глаза потемнели. Она ждала моего ответа.

Ее жизнь летит ко всем чертям? Что это вообще значит?

– Как же так? Дело в академии?

– Я говорю обо всем, буквально обо всем.

Не понимаю. Возможно, потому, что она не рассказала мне ничего, что позволило бы мне понять, как ей помочь.

Когда мне исполнилось пятнадцать, я осознал, что готов ради Дакоты на все. Я специалист. Я тот, кто поможет все исправить. Поможет каждому, особенно девушке с вьющимися волосами, жившей по соседству с мерзавцем-отцом и

братом, который мог получить трепку, только попытавшись что-то сказать. И вот пять лет спустя мы уже вдали от нашего неторопливого тлетворного города и от того придурка, а некоторые вещи остались прежними.

– Скажи, что я могу сделать.

Я положил свою руку поверх ее, и она тут же отдернула руку, как я и ожидал. Я не стал настаивать. Я никогда не настаивал.

– Я не получила роль, над которой изо всех сил работала последние два месяца. Я думала, она моя. У меня снизился средний балл из-за бесконечных репетиций перед просмотром. – Она с усилием выдохнула и снова закрыла глаза.

– И что случилось на просмотре? Почему тебе не дали роль? – Мне нужно больше подробностей, чтобы найти решение.

– Потому что я не белая, – ответила Дакота громко и убежденно.

Ее ответ вызвал прилив раздражения. С этим я ничего не мог поделать. Я на многое способен, но, как бы я этого ни хотел, мне не под силу истребить невежество.

– Они так и сказали?

Я невольно понизил голос. Разве можно, в самом деле, говорить такие вещи студентам?

Она покачала головой, задыхаясь от досады.

– Им и не нужно было. На все ведущие роли выбирают белых. Я от этого так устала.

Я откинулся на спинку стула и отпил кофе.

– Ты говорила с кем-нибудь? – неуверенно спросил я.

Мы и раньше об этом говорили. Несколько раз. Представители смешанной расы на Среднем Западе не сталкивались с подобными проблемами, по крайней мере, по соседству от нас или в школе, где мы учились. Обитателей Сагино не волновал расовый вопрос. Сам я жил в районе, где преобладало черное население. Однако, бывало, нас с Дакотой спрашивали, почему мы вместе.

– Почему ты встречаешься только с белыми? – спрашивали ее друзья.

– Почему бы тебе не встречаться с белой девушкой? – интересовались плохие девочки с белыми карандашами и гелиевыми ручками в поддельных дизайнерских сумках из «Кеймарта». Впрочем, ничего не имею против «Кеймарта», мне всегда нравился этот магазин, пока не закрылся. Ну, кроме липких полов – хуже не бывает.

Несколько секунд Дакота шумно тянула коктейль через соломинку. Когда она допила, в уголках ее губ остались следы от взбитых сливок. Я подавил желание аккуратно их стереть.

– Помнишь, как мы часами сидели в «Старбаксе» в Сагино?

Она, как всегда, не хочет говорить о том, что ее действительно беспокоит. Я не настаиваю. Как обычно.

Я кивнул.

– И мы каждый раз назывались разными именами, – рассмеялась Дакота. – А помнишь, как продавщица разозлилась, потому что не могла выговорить «Гермиона» и отказалась писать наши имена на чашках?

Она рассмеялась по-настоящему, и неожиданно я снова почувствовал себя пятнадцатилетним, убегающим вслед за озорной Дакотой, которая, перегнувшись через прилавок, утащила маркер прямо из передника продавщицы. В тот день падал снег, и до дома мы добрались, с ног до головы забрызганные грязью. Дакота напугала мою маму, когда, взбегая по нашей старой лестнице, закричала, что мы спасаемся от полиции.

Нами овладели воспоминания.

– Мы на самом деле думали, что копы будут тратить время на двух подростков, укравших маркер.

Несколько посетителей поглядывали в нашу сторону, но они быстро нашли в людном кафе другой объект для наблюдения, более интересный, чем странное свидание двух бывших.

– Продавщица сказала Картеру, чтобы мы больше никогда там не появлялись, – добавила Дакота, становясь все мрачнее.

Упоминание о Картере вызвало у меня покалывание в затылке.

Дакота, должно быть, увидела что-то в моих глазах, потому что, потянувшись через стол, она положила руку поверх моей. Она всегда так делала.

Я последовал ее примеру и сменил тему:

– Неплохо мы жили в Мичигане.

Дакота наклонила голову, свет от лампы упал на ее волосы, и они засветились. До сих пор я не осознавал, насколько одинок был все это время. С последнего приезда Дакоты в Вашингтон никто не прикасался ко мне, не считая мимолетного эпизода с Норой. Никто не целовал. Даже не обнимал, исключая Тессу и маму.

– Да, до тех пор, пока ты меня не оставил.

Глава седьмая

Интересно, можно ли по выражению моего лица хоть отчасти понять, что я чувствую. Меня бы это не удивило. От слов Дакоты я дернул головой. Она понимала все, о чем я думал. И я ждал, что она возьмет назад свои жестокие слова.

– Что? – невозмутимо спросила она.

Не может быть, чтобы она в самом деле…

– Я не хотел уезжать… у меня не было выбора, – тихо возразил я.

Надеюсь, она чувствует искренность сказанного.

Парень за соседним столом бросил на нас быстрый взгляд и вновь уткнулся в ноутбук.

Я взял ее руки, лежащие на столе, в свои и мягко сжал, стараясь не пропустить ни одного движения. У нее неприятности в академии, поэтому она проецирует гнев и огорчение на меня. Она всегда так поступала, а я всегда позволял ей это.

– Это не меняет того, что ты сделал. Ты уехал, Картер умер, а мой отец…

– Если бы мое мнение кого-нибудь интересовало, я бы не поехал. Но мама переезжала и не хотела оставлять меня в Мичигане одного, несмотря на то что я учился в выпускном классе. Ты же знаешь.

Я стараюсь быть с ней деликатным, как с раненым животным, которое в отчаянии бросается на всех, кто приближается.

Гнев Дакоты мгновенно исчез.

– Да, конечно, прости. – Она со вздохом расслабила плечи и посмотрела на меня.

– Ты всегда можешь поговорить со мной обо всем, – напомнил я.

Я прекрасно понимаю, каково это: чувствовать себя маленьким человечком в огромном городе. Я никогда не слышал, чтобы Дакота упоминала каких-нибудь подруг, кроме Мэгги. Насколько мне теперь известно, она по какой-то странной причине общается с Эйденом, но не думаю, что мне хочется знать об этом больше. Ее манера общения…

Дакота бросила взгляд на дверь и снова вздохнула. В жизни не слышал, чтобы кто-нибудь так часто вздыхал.

– Все в порядке. Все будет в порядке. Просто, видимо, нужно было выговориться.

Для меня этого слишком мало.

– Нет, не в порядке, Фасолька, – возразил я, невольно назвав ее старым прозвищем.

Она вздрогнула и робко улыбнулась. Откинувшись на спинку стула, я наслаждался вновь возникшей между нами близостью. Дакота расслабилась, и я перестал чувствовать себя рядом с ней неловко.

– Правда? – Дакота пододвинула свой стул поближе к моему. – Просто это был удар по больному месту.

Я молча улыбнулся и покачал головой. Назвав ее прозвищем, я не стремился получить какие-то преимущества. Однажды я случайно назвал ее этим словом, честно говоря, сам не знаю почему, и оно к ней так и пристало. В тот раз она растрогалась и сейчас тает от умиления. Прозвище вырвалось неожиданно, но не скажу, что я не обрадовался, когда Дакота положила голову мне на плечо и взяла меня под руку. Это глупое имя всегда производило такой эффект. И я был счастлив.

– Ты такой накачанный, – сказала она, трогая мои бицепсы. – Когда ты успел?

Я много тренировался, и было бы нечестно говорить, будто я не хотел, чтобы она заметила. Но сейчас, услышав ее слова, я несколько смутился.

Дакота поглаживала мою руку, а я аккуратно отстранял ее волосы от своего лица.

– Ну, не знаю, – ответил я наконец, и мой голос прозвучал гораздо нежнее, чем я ожидал. Ее пальцы продолжали бегать по моей коже, описывая воображаемые фигуры. От удовольствия у меня побежали мурашки по телу. – Я постоянно занимаюсь в тренажерном зале при моем доме. И бегаю почти каждый день.

Ее прикосновения так приятны. Я забыл, как здорово просто с кем-то общаться, не говоря уже о счастье ощущать тепло другого человека. В памяти всплыл ноготь Норы, танцующий по моему животу, и я затрепетал. Прикосновения Дакоты иные, куда нежнее. Она знает, что мне нравится и к чему привык. Нора меня волновала, а Дакота успокаивала. Почему я думаю о Норе?

Дакота продолжает ласково гладить мою руку, а я пытаюсь выкинуть Нору из головы.

Мне немного неловко из-за ее внимания, но в то же время очень приятно, что она заметила результат тренировок. За последние два года я полностью изменил свое тело, и я рад, что Дакота, кажется, оценила мои усилия. Она всегда была красивее меня, и, возможно, глядя на мою новую фигуру, она захочет прикасаться ко мне чаще, может, даже будет проводить со мной больше времени.

Эта мысль – признак отчаяния, но мне больше нечем сейчас удержать Дакоту.

Она стала еще привлекательнее, думаю, с годами она будет только расцветать. Мы строили большие планы на будущее. Дакота хотела двоих детей, я склонялся к четырем. С тех пор все так изменилось, но мысль о том, чтобы вместе повзрослеть и осуществить все наши мечты, показалась такой осязаемой.

Любому жителю маленького города на Среднем Западе яркие огни и огромные города могут показаться абсолютно неправдоподобными. Но не Дакоте.

Дакота всегда хотела большего. Ее мать была начинающей актрисой, поэтому отправилась в Чикаго, чтобы получить роль и стать великой звездой. Но этому не суждено было сбыться: город украл душу матери Дакоты, она пристрастилась к богемным удовольствиям. Она так и не смогла вернуться к нормальной жизни, и Дакота всегда была полна решимости осуществить то, чего не достигла ее мать.

Дакота склонилась еще ближе. Ее волосы щекотали мой нос, и я откинулся на спинку стула.

– Завтра моя сегодняшняя слабость покажется смешной, – сказала она, снова выпрямляясь и меняя тему разговора.

Признаться, меня это обрадовало. Я согласился, что завтра все будет по-другому, а если ей что-нибудь понадобится, нужно только набрать мой номер.

Несколько минут мы сидели в уютной тишине. Затем раздался звонок. Пока Дакота говорила по телефону, я гонял салфетку по столу, а затем стал рвать ее на мелкие кусочки.

– Я приеду, займи мне очередь, – наконец чирикнула она в трубку и сунула мобильник в сумку. – Это Эйден.

Она сделала большой глоток фраппучино. Мое сердце сжалось, я встал.

– Будет просмотр, и он займет мне очередь. Для рекламы академии в Интернете. Мне нужно бежать. Спасибо за кофе! Нужно снова встретиться в ближайшее время!

Она положила руку мне на плечо и поцеловала в щеку.

Торопливо распрощавшись, Дакота ушла. На столе, словно в насмешку над моим одиночеством, остался недопитый фраппучино.

Глава восьмая

Всю дорогу домой я размышлял:

А. Это было странно.

В. Я ненавижу Эйдена, его мерзкие светлые волосы и длинные ноги – что ему вообще от нее нужно?

С. Он, вероятно, пытается переманить ее на темную сторону – но я вижу его насквозь!

В дверях квартиры меня встретил густой запах ванили. Или Тесса снова перестаралась с гелем для тела, или кто-то печет. Господи, пусть будет пирог! Ванильный запах меня успокаивает – мой родной дом всегда был наполнен сладким ароматом шоколадного хрустящего печенья и кленового сиропа, – и я не хотел, чтобы мои чувства обманывал какой-то гель; «заманить-и-подменить» слишком похоже на то, что я недавно пережил с Дакотой…

Я бросил ключи на стол в прихожей и поежился, заметив, что брелок выбил из столешницы кусочек дерева. Когда я переехал в Нью-Йорк, мама подарила этот стол и взяла с меня обещание, что я буду аккуратно с ним обращаться. Это наследство моей бабушки, а мама бережно хранит все, связанное с покойной матерью, особенно после того, как Хардин уничтожил практически все, опрокинув шкаф с бабушкиной посудой.

Мама рассказывала, что бабушка была прекрасной женщиной. У меня сохранилось о ней единственное, очень яркое воспоминание, в котором она какая угодно, только не прекрасная. Мне было лет шеть, и бабушка застукала меня на воровстве арахиса из большой банки в супермаркете. С набитым ртом и полными карманами орехов, я залез на заднее сиденье ее автомобиля. Не помню, почему я так поступил и понимал ли вообще, что делаю. Когда бабушка обернулась и увидела, что я чищу арахис и с чавканьем его поедаю, она резко дала по тормозам, и я от неожиданности подавился кусочком скорлупы. Она решила, что я притворяюсь, и разозлилась еще больше.

Я кашлял, пока застрявший кусочек не выскользнул из горла, потом пытался перевести дыхание, а бабушка, нарушившая правила разворота, не обращая внимание на сигналы справедливо недовольных водителей, везла меня назад в магазин. Она заставила меня сознаться в воровстве и извиниться не только перед продавцом, но и перед менеджером. Это было очень унизительно, но я больше никогда так не делал.

Бабушка умерла, когда я учился в средней школе, оставив двух абсолютно не похожих друг на друга дочерей. Все, что я знаю о ней сверх того, мне рассказала тетя Риз. По ее словам, в отличие от остальных членов нашего тихого и спокойного семейства, бабушка была настоящим торнадо. Никто не рисковал связываться с кем-нибудь с фамилией Такер – это девичья фамилия мамы, иначе им пришлось бы иметь дело с бабушкой Николетт.

Тетя Риз, вдова полицейского, начесывала и укладывала свои длинные светлые волосы в такую высокую прическу, что та могла вместить всю широту тетиных взглядов. Мне всегда нравилась и она, и ее муж Кит. Пока Кит не умер, тетя Риз была веселой и забавной. При смехе она уморительно фыркала. Дядя Кит, которого я автоматически считал отличным парнем из-за того, что он был полицейским, всякий раз при встрече дарил мне коллекционные хоккейные карточки. Помнится, я часто мечтал, чтобы он был моим отцом. Печально, да, но иногда мне просто была нужна мужская компания. До сих пор я помню день, когда он умер: наш дом наполнили душераздирающие крики тети, а мертвенно-бледная мама, сжав дрожащие руки, сказала мне:

– Все нормально, иди спать, милый.

Смерть Кита все перевернула вверх ногами, особенно для тети Риз. Тяжело переживая свою потерю, она практически закрылась дома и полностью утратила интерес к жизни. Каждый раз, доставая чековую книжку, она думала, что на счете лежат кровавые деньги, полученные по страховке жизни ее мужа. Она не следила за домом, не готовила и не наряжалась, хотя всегда беспокоилась о детях. Тетя купала и нянчила малышей, их маленькие круглые животики доказывали, что она считала заботу о детях превыше всего. Поговаривают, что тетя Риз отдала все деньги, полученные за смерть Кита, его старшей дочери от предыдущего брака. Я никогда с ней не встречался, поэтому не могу сказать, правда ли это.

Между тетей Риз и мамой всего два года разницы, и всю жизнь они были очень близки. Когда тетя уехала в Вашингтон, они без конца разговаривали по телефону. Однако смерть бабушки, по-моему, гораздо сильнее отразилась на маме, поскольку ей в одиночку пришлось организовывать похороны и поминки. Она до сих пор горюет. Стол, только что поцарапанный моими ключами, – практически единственная вещь, оставшаяся на память о бабушке. Я – плохой сын.

– Эгей? – крикнула Тесса из кухни, прогоняя призрак маленького Йоды из моего сознания.

Наклонившись, я снял ботинки, чтобы не испачкать идеально чистый паркет. Всю прошлую неделю Тесса его полировала, и я быстро привык не носить обувь в квартире. Клянусь, чтобы стереть появившийся след, она каждый раз ползала по полу с маленьким специальным инструментом в руке не меньше двадцати

минут. Учитывая, сколько дряни на улицах Нью-Йорка, очевидно, лучше всего поступать именно так, как делаю я.

– Эй? – послышался голос Тессы уже ближе.

Я поднял глаза и увидел, что она стоит в метре от меня.

– Ты меня напугал, – сказала она, встретившись со мной взглядом.

После того как несколько месяцев назад кто-то проник в квартиру на первом этаже, Тесса очень нервничала. Она об этом не говорила, но каждый раз, услышав какой-нибудь звук в коридоре, бросала беспокойный взгляд на дверь. Тесса была одета в футболку с эмблемой Колумбийского университета и в черные леггинсы, покрытые чем-то вроде муки.

– Извини. У тебя все в порядке? – спросил я, хотя по темным кругам под глазами было видно, что нет.

– Да, конечно, – улыбнулась она, переминаясь с ноги на ногу. – Я пеку торт, что может быть не в порядке? – Тесса натянуто засмеялась. – Нора тоже здесь, на кухне, – добавила она.

Последнее я пропустил мимо ушей.

– Моя мама могла бы мной гордиться, – добавила она.

Я улыбнулся и бросил куртку на подлокотник кресла.

Тесса проследила за курткой глазами, но решила не заострять внимания на беспорядке. Кроме того, что она чистюля, она еще и замечательная соседка. Она оставляет мне личное время и пространство в квартире, а когда оказывается дома, с ней приятно проводить время. Тесса – моя лучшая подруга, но она сейчас не в лучшем состоянии.

– Да! – до меня донесся громкий голос Норы.

Тесса закатила глаза, и я метнул в нее вопросительный взгляд, на что она лишь кивнула в сторону кухни.

– Слава богу, – произнесла она с сарказмом, когда я шел за ней на кухню.

Сладкий запах усиливался с каждым шагом. Тесса сразу направилась к кухонному островку (у нас вместо него – маленький сервировочный столик). На нем лежала стопка из по меньшей мере десяти противней.

– Похоже, она справилась с этой партией.

– Мы захватили твою кухню, – сказала Нора.

На мгновение она перехватила своими зеленовато-коричневыми глазами мой взгляд, затем осмотрела беспорядок вокруг.

– Привет, София Нора де Лаурентис, – сказал я, доставая воду из холодильника.

Услышав «София», Тесса открыла рот, чтобы поправить меня, но потом, похоже, оценила шутку и промолчала.

– Привет, Лэндон, – поздоровалась в ответ Нора, не отрываясь от своего занятия.

Я старался не смотреть на капли фиолетовой глазури на ее груди, плотно обтянутой черной рубашкой, а цветные брызги такие яркие…

Отвернись, Лэндон.

Я взглянул на фиолетовое нечто, стоящее перед Норой. Оказалось, это не нечто, а трехслойный торт, покрытый цветной глазурью и крупными сиренево-белыми цветами. В середине цветочков – желтые кружочки, усыпанные блестками. Торт казался ненастоящим из-за искусно сделанных украшений из глазури. Карамельные цветы такие красивые, что, кажется, можно почувствовать их чудесный аромат. И прежде чем я осознал, что делаю, я наклонился и глубоко вдохнул.

Нора тихонько захихикала, и я оглянулся. Она смотрела на меня, не отрывая взгляда.

Она действительно очень красивая. Высокие скулы придавали ей сходство с богиней. Загорелая кожа и светло-карие глаза выглядели ярко и необычно. Темные волосы светились в лучах жужжащей лампы на потолке.

Надо починить плафон.

Кто-то постучал во входную дверь, прервав процесс созерцания.

– Я открою, – сказала Тесса и добавила с улыбкой: – Красивый, правда?

Она ткнула Нору в бок кондитерской лопаткой и направилась к двери. Как я рад, что она улыбается!

Нора зарделась и опустила лицо, спрятав руки за спиной.

– Да, очень, – согласился я.

Протянув руку, я дотронулся пальцами до ее подбородка и приподнял лицо. Дыхание девушки сбилось, полные губы разомкнулись. По моей спине пробежала дрожь, она отшатнулась от меня.

Почемуууууу, ну почему я так прикоснулся к ней? Вот я идиот!

И я смущен.

Смущенный идиот.

Кажется, рядом с Норой подобная ситуация уже возникала. В свою защиту могу заметить, что она первая дотронулась наманикюренными ногтями до моего голого живота.

Взгляд Норы по-прежнему был направлен на меня. За робкой гордостью за съедобный шедевр чувствовалась скука. Похоже, этой женщине нелегко

угодить.

– Что? – спросила она.

Я застрял на полпути между грубостью и лестью.

– Ничего, – пожал я плечами.

Во рту пересохло. Ее глаза изучили мое лицо и остановились на губах. Есть в этой женщине какое-то безумное напряжение. Прежде чем я осознал происходящее, Нора снова приблизилась ко мне, обвила мою шею руками и порывисто впилась в меня губами. Как только я преодолел первоначальный шок, мой рот в ответ приоткрылся. Ее теплые губы слились с моими в обжигающем поцелуе, язык мягко скользил по моему. Я пытался побороть желание притянуть ее ближе. Маленькие, но не лишенные изящества руки Норы начали медленно двигаться вниз. Сегодня ее длинные ногти окрашены в малиновый. Должно быть, она тратит уйму времени на маникюр. Ее руки ласкали мою напрягшуюся грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эндрю Хозиер-Бирн (Hozier) – ирландский музыкант, автор-исполнитель.

2

«Браунс» (англ. Cleveland Browns) – клуб из Кливленда, штат Огайо, выступающий в Национальной футбольной лиге (американский футбол).

3

Популярный изотонический спортивный напиток.

4

Популярный в США исполнитель кантри.

Купить: https://tellnovel.com/anna-todd/nichego-bol-she

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити